

Способный ученик

Автор:

Стивен Кинг

Способный ученик

Стивен Кинг

Он – хороший мальчик из маленького городка. Он – способный ученик, надежда школы. И еще более способный ученик человека, на чьей совести – ТЫСЯЧИ оборванных жизней. Днем он учится математике, истории, литературе. Вечерами – жестокости, изощренному садизму. Вечерами способный ученик учится УБИВАТЬ. Рано или поздно он постигнет это страшное искусство в совершенстве...

Стивен Кинг

Способный ученик

1

Он крутил педали своего велосипеда с изогнутым рулем, держась середины пригородной улочки, американский подросток с рекламной картинки, а почему бы и нет: Тодд Боуден, тринадцать лет, нормальный рост, здоровый вес, волосы цвета спелой пшеницы, голубые глаза, ровные белые зубы, загорелое лицо, не испорченное даже намеком на возрастные прыщики.

При желании можно было завернуть домой, но он крутил педали, не сворачивая, он пролетал через частокол света и тени и улыбался, как можно улыбаться

только летом, когда у тебя каникулы. Такой подросток мог бы развозить газеты, что, кстати, он и делал: доставлял подписчикам «Клэрион», выходящую в Санто-Донато. А еще такой подросток мог бы продавать за небольшое вознаграждение поздравительные открытки, что, кстати, он тоже недавно делал. На открытках впечатывали фамилию заказчика – ДЖЕК И МЭРИ БЁРК, или ДОН И САЛЛИ, или МЁРЧИСОНЫ. Такой паренек мог бы насвистывать во время работы, и, надо сказать, Тодд частенько насвистывал. Причем довольно приятно. Его отец, инженер-строитель, зарабатывал сорок тысяч в год. Его мать окончила колледж по специальности «французский язык» и познакомилась с будущим мужем при обстоятельствах, когда тому позарез нужен был репетитор. В свободное время она печатала на машинке. Все годовые аттестаты Тодда хранила в специальной папке. С особым трепетом относилась к аттестату за четвертый класс, на котором миссис Апшоу написала: «Тодд – на редкость способный ученик». А разве нет? Одни пятерки и четверки. Он мог еще прибавить – учиться, скажем, только на пятерки, – но тогда кое-кто из его друзей мог бы подумать, что он «немножечко того».

Он затормозил у дома номер 963 по Клермонт-стрит. Неприметный домик прятался в глубине участка. Белые стены, зелененькие ставни и такого же цвета отделка. Перед фасадом живая изгородь, хорошо политая и подстриженная.

Тодд откинул со лба прядь волос, спешил и покатил велосипед по цементной дорожке, что вела к крыльцу. Улыбка не сходила с его лица – открытая и обворожительная, она как бы предвосхищала приятную встречу. Носком кеда он опустил велосипедный упор и вытащил из-под багажника сложенную газету. Это была не «Клэрион», это была «Лос-Анджелес таймс». Он сунул газету под мышку и взошел по ступенькам. Справа звонок, под ним две аккуратно привинченные дощечки, закрытые от дождя пластмассовыми накладками. Немецкая предусмотрительность, подумал Тодд, и еще шире улыбнулся. Такое могло прийти в голову только взрослому, и Тодд мысленно похвалил себя. Не в первый раз.

На верхней дощечке:

АРТУР ДЕНКЕР.

На нижней:

ПОЖЕРТВОВАНИЙ НЕ ПРОСИТЬ, ТОВАРЫ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ.

Тодд, улыбаясь, нажал на кнопку.

Звонок, едва слышный, отозвался в недрах дома. Тодд приложил ухо к двери – тишина. Он взглянул на свой «Таймекс» (часы в числе прочего ему вручили за распространение поздравительных открыток) – двенадцать минут одиннадцатого. Пора бы и встать. Сам Тодд вставал не позднее половины восьмого, даже в каникулы. Кто рано встает, того удача ждет.

Он подождал полминуты и, не дождавшись шагов, нажал на звонок. Через семьдесят одну секунду, по часам, послышались шаркающие шаги. Домашние тапочки, определил он по звуку. Тодд постоянно прибегал к дедуктивному методу. Он мечтал, когда вырастет, стать частным детективом.

– Да слышу, слышу! – донесся сварливый голос человека, выдававшего себя за Артура Денкера. – Сейчас! Хватит трезвонить! Сейчас, говорю!

Тодд отпустил кнопку звонка.

Звякнула цепочка, лязгнул запор. Наконец дверь открылась. На пороге стоял старик в заношенном халате с загнутым воротом и лацканом, выпачканным соусом – не то чили, не то кетчупом. Между пальцев тлела сигарета. Тодд подумал, что старик похож на Альберта Эйнштейна и одновременно на киноактера Бориса Карлоффа. Длинные седые волосы, отдававшие желтизной, которая вызывала ассоциацию, увы, не со слоновой костью, а с никотином. Лицо морщинистое, помятое после сна. Не без неприязни Тодд про себя отметил, что у старика двухдневная щетина. «Выбритое лицо – это солнышко в пасмурный день», – любил говорить отец, брившийся и в будни, и по выходным.

На Тодда настороженно смотрели глубоко запавшие, с красными прожилками глаза. И опять секундное разочарование: этот тип в самом деле похож на Альберта Эйнштейна и на Бориса Карлоффа, но еще больше – на старого

замызганного пьяницу вроде тех, что околачиваются на станции.

– Мальчик, – произнес он, – мне ничего не нужно. Прочитай, что там написано. Ты умеешь читать? Хотя что я спрашиваю, все американские мальчики умеют читать. Так что постарайся впредь меня не беспокоить. Будь здоров.

Он начал закрывать дверь.

– Вы забыли свою газету, мистер Дюссандер, – сказал Тодд, предупредительно протягивая «Таймс».

Дверь остановилась. В глазах Курта Дюссандера промелькнула настороженность. Всего лишь настороженность – не страх. Молодчина, здорово он овладел собой! И все же Тодд в третий раз испытал разочарование. Он не ждал от Дюссандера хорошей реакции... он ждал от Дюссандера блестящей реакции.

«Слабак, – презрительно подумал Тодд. – Ну и слабак».

Паукообразная рука просунулась в щель и ухватилась за конец газеты.

– Давай ее сюда.

– Да, мистер Дюссандер. – Тодд выпустил свой конец. Паук втянул лапку внутрь.

– Моя фамилия Денкер, – сказал старик, – а не Дюзандер. Оказывается, ты не умеешь читать. Очень жаль. Будь здоров.

И снова дверь начала закрываться. Тодд одним духом выпалил в сужающуюся щель:

– Берген-Бельзен, с января по июнь сорок третьего. Аушвиц, с июня сорок третьего по июль сорок четвертого, Unterkommandant[1 - Помощник коменданта (нем.)]. Патэн...

Дверь приостановилась. Мешки под глазами на землисто-сером лице казались складками на съезжившемся воздушном шаре, висящем в просвете. Тодд

улыбался.

– Из Патэна вы бежали перед приходом русских. Добрались до Буэнос-Айреса. Говорят, там вы разбогатели, вкладывая вывезенное из Германии золото в торговлю наркотиками. Не важно. С пятидесятого по пятьдесят второй вы жили в Мехико. А потом...

– Мальчик, у тебя не все дома. – Скрюченный артритом палец описал несколько кругов у виска. Но при этом слишком уж явно задрожали губы.

– Что было с пятьдесят второго по пятьдесят восьмой – не знаю, – продолжал Тодд с еще более лучезарной улыбкой. – Никто, я думаю, не знает, во всяком случае, сведения не просочились. Но перед тем как власть на Кубе захватил Кастро, вас обнаружили в Гаване, вы работали консьержем в большом отеле. Вас потеряли из виду, когда повстанцы вошли в город. В шестьдесят пятом вы вынырнули в Западном Берлине. И там вас чуть не взяли за жабры. – Последнее слово у него прозвучало особенно сочно. При этом пальцы сжались в кулаки. Взгляд Дюссандера невольно упал на его руки, подвижные, сноровистые, руки американского мальчишки, созданные, чтобы мастерить гоночные лодки из мельниц и модели кораблей. Тодд отдал дань тому и другому. Всего год назад они с отцом построили модель «Титаника». На это у них ушло четыре месяца, модель и по сей день стоит в отцовском кабинете.

– Я не знаю, о чем ты, – сказал Дюссандер. Без вставной челюсти вместо слов во рту у него получалась каша, и это не нравилось Тодду. Выходило как-то... неубедительно, что ли. Полковник Клинк в фильме «Молодчики Хогана» и тот больше походил на нациста, чем Дюссандер. Но в свое время этот тип выглядел, конечно, будь спок. В статье, напечатанной в журнале «Менз экшн», автор назвал его «Упырь из Патэна». – Убирайся ты лучше подобру-поздорову. Пока я не позвонил в полицию.

– А что, и позвоните, мистер Дюссандер. Герр Дюссандер, если вам так больше нравится. – Улыбка не сходила с его губ, обнажая великолепные зубы, по которым три раза в день проходила зубная щетка с богатым содержанием фтора. – После шестьдесят пятого вас уже никто не видел... только я, когда два месяца назад узнал вас в городском автобусе.

– Да ты помешанный.

– Так что, если хотите позвонить в полицию, – продолжал с улыбкой Тодд, – валяйте. Я подожду на крыльце. Но если вам не к спеху, то почему бы мне не войти? Посидим, поговорим.

Несмотря ни на что, в голове Тодда шевелился червячок сомнения. А вдруг ошибка? Это тебе не упражнение в учебнике. Это настоящее. Вот почему он почувствовал огромную радость (легкую радость, как он уточнит для себя позднее), когда Дюссандер сказал:

– Ты, конечно, можешь зайти на минутку. Просто я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, понятно?

– Еще бы, мистер Дюссандер, – сказал Тодд, переступая порог. Хозяин закрыл за ним дверь, словно отрезав утро.

В доме пахло затхлостью и спиртным. Такие запахи иногда держались по утрам и у них дома, после вечеринки накануне, пока мама не открывала настежь окна. Правда, тут было похуже. Тут запахи въелись и все собой пропитали. Запахи алкоголя, подгоревшего масла, пота, старой одежды и еще лекарства – ментола и, кажется, валерьянки. В прихожей темнотища, и рядом этот Дюссандер – втянул голову в ворот, этакий гриф-стервятник, ждущий, когда раненое животное испустит дух. Сейчас, невзирая на двухдневную щетину и обвислую, дряблую кожу старика, Тодд явственно увидел перед собой офицера в черной эсэсовской форме; на улице, при дневном свете, воображение не бывало столь услужливым. Страх, точно ланцет, полоснул Тодда по животу. Легкий страх, поправится он позднее.

– Имейте в виду, если со мной что-нибудь случится...

Дюссандер презрительно отмахнулся и прошаркал мимо него в своих шлепанцах, как бы приглашая за собой в гостиную. Тодд почувствовал, как кровь прихлынула к щекам. Улыбка увяла. Но последовал за стариком.

И вот еще одно разочарование, которое, впрочем, можно было ожидать. Ни тебе писанного маслом портрета Гитлера с упавшей челкой и неотступным взглядом. Ни тебе боевых медалей под стеклом, ни почетного меча на стене, ни «люгера» или «вальтера» на камине (и самого-то камина, сказать по правде, не было). Все правильно, что он, псих, что ли, выставляет такие вещи на обозрение. Тодд не

мог внутренне не согласиться с этим доводом, и все же трудно было вот так сразу выкинуть из головы то, чем тебя пичкали в кино и по телевизору. Он стоял в гостиной одинокого старика, живущего на худосочную пенсию. Допотопный «ящик» с комнатной антенной – концы металлических рожек обмотаны фольгой для лучшего приема. На полу облысевший серый коврик. На стене вместо портрета Гитлера свидетельство о гражданстве в рамке и фотография женщины в чудной шляпке.

– Моя жена, – с чувством произнес Дюссандер. – Она умерла в пятьдесят пятом... легкие. Не знаю, как я пережил это.

К Тодду вернулась его улыбка. Он пересек комнату якобы затем, чтобы получше рассмотреть женщину на фотографии, а сам пощупал пальцами абажур настольной лампы.

– Перестань! – рявкнул на него Дюссандер.

Тодд даже слегка отпрянул.

– Отлично, – сказал он с искренним восхищением. – Сразу чувствуется начальник. А кстати, это Ильза Кох придумала делать абажуры из человеческой кожи?

– Я не знаю, о чем ты, – сказал Дюссандер. На «ящике» лежала пачка «Кулэ» без фильтра. Он протянул пачку.

– Хочешь? – Его лицо исказила жутковатая ухмылка.

– Нет. Это может кончиться раком легких. Мой папа раньше курил, а потом бросил. Даже вступил в общество некурящих.

– Ну-ну. – Дюссандер как ни в чем не бывало извлек спичку из кармана халата и чиркнул ею о пластиковую поверхность «ящика». Затянувшись, он сказал: – Лично я не вижу причин, почему бы мне сейчас же не позвонить в полицию и не рассказать, какую чудовищную напраслину тут на меня возводят. А ты видишь? Только отвечай быстро, мальчик. Телефон в прихожей. Представляю, как тебя выпорот отец. Неделю будешь подкладывать под себя подушечку.

– Мои родители всегда были против порки. Телесные наказания не решают проблемы, а только усугубляют ее. – Внезапно глаза Тодда заблестели. – А вы их пороли? Женщин? Раздевали их догола и...

Дюссандер издал какой-то сдавленный звук и направился в прихожую.

– Я бы не советовал, – произнес Тодд ледяным голосом.

Дюссандер повернулся. Он заговорил четко и размеренно. Если что и смазывало эффект, так это отсутствие вставной челюсти.

– Еще раз, последний, повторяю: меня зовут Артур Денкер. Артуром, кстати, отец меня назвал в честь Конан Дойла, чьи рассказы приводили его в восхищение. Я никогда не был Дюзандером, или Гиммлером, или Дедом Морозом. В войну я был лейтенантом запаса. Я никогда не принадлежал к нацистской партии. Мое участие в боевых действиях ограничилось тремя неделями боев в Берлине. Не скрою, в конце тридцатых, еще в первом браке, я симпатизировал Гитлеру. Он покончил с Депрессией и в каком-то смысле восстановил нашу национальную гордость, которую мы потеряли в результате унижительного и бесчестного Версальского мира. Тогда, в тридцатых, он казался мне великим человеком. Он и был по-своему великим. Но под конец он, безусловно, свихнулся – посылать в бой несуществующие армии по указке звездочета! Отравить Блонди, свою любимую собаку! Поступки безумца. Они все обезумели – заставляли собственных детей глотать капсулы с ядом и при этом распевали «Хорст Вессель». Второго мая сорок пятого года мой полк сдался американцам. Помню, как солдат по фамилии Хакермейер угостил меня шоколадом. Я даже заплакал. Меня поместили в лагерь для интернированных в Эссене. К нам хорошо относились. Мы следили за Нюрнбергским процессом по радио, и когда Геринг покончил с собой, я обменял американские сигареты на бутылку шнапса и напился на радостях. После освобождения я устроился на завод «Эссен Мотор» – ставил колеса на автомобили. В шестьдесят третьем вышел на пенсию и вскоре переехал в Соединенные Штаты. Это была мечта моей жизни. В шестьдесят седьмом я получил гражданство. С тех пор я американец. Голосую на выборах. Никакого Буэнос-Айреса. Никакой торговли наркотиками. И Западного Берлина не было. И Кубы... А теперь иди, иначе я звоню в полицию.

Тодд не двигался с места. Старик вышел в прихожую, снял трубку. Тодд словно застыл возле настольной лампы.

Дюссандер начал набирать номер. Тодд не отрываясь смотрел на него, и сердце готово было выпрыгнуть из груди. После четвертой цифры Дюссандер обернулся и встретился с ним взглядом. Вдруг плечи старика поникли. Он положил трубку на рычаг.

– Как ты узнал?

– Много труда и чуть-чуть удачи, – скромно ответил Тодд, озаряя собеседника дружелюбной улыбкой. – У меня есть друг, Хэролд Пеглер, но вообще-то все его зовут Лис. У него нюх. Мы, когда играем в бейсбол, ставим его на вторую базу. А у отца Лиса не гараж, а клад. Горы журналов, и все про войну. Фотографии фрицев, в смысле немецких солдат, и япошек, пытающих разных женщин. Статьи про концлагеря. Я от всего этого прямо балдею...

– Что ты от них... балдеешь? – Дюссандер оторопело смотрел на него, потирая ладонью щеку. Звук был такой, будто он проходил по ней наждачной бумагой.

– Ну да. В смысле ловлю кайф. Получаю удовольствие.

«Это может произойти совершенно для вас неожиданно, – разглагольствовала миссис Андерсон, учившая их в пятом классе. – Вы столкнетесь с чем-то новым и вдруг поймете: вот он, мой ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС. Это все равно что повернуть ключ в замке. Или в первый раз влюбиться. Вот почему, дети, так важен День выбора профессии – в этот день вы, может быть, найдете главный интерес в своей жизни». Тогда Тодд отнесся к словам миссис Андерсон как к полной галиматье, но много позже, в гараже у Лиса, ему вспомнились эти слова, и он подумал, что она была, возможно, не так уж далека от истины. Он переворачивал страницы слежавшихся журналов, и от смешанного чувства отвращения и непреодолимого любопытства у него разболелась голова, глаза же от напряжения начали слезиться, но он продолжал читать, и вдруг из текста под фотографией усеянного трупами места под названием Дахау на него выскочила цифра:

6000000.

Он подумал: тут что-то напутали, кто-то по ошибке прибавил один-два нуля, во всем Лос-Анджелесе живет вдвое меньше людей! Но вот другой журнал, и вновь эта цифра: 6000000. Голова разболелась пуще прежнего. Во рту пересохло. Как в тумане он услышал, что Лису пора идти ужинать. Тодд спросил, можно ли ему пока почитать в гараже. Лис удивленно взглянул на него и сказал: «Валяй». И Тодд снова с головой ушел в старые журналы, пока в конце концов до него не докричалась мать.

Это все равно что повернуть ключ в замке...

В журналах говорилось, как это ужасно – все, что творили немцы. Но слова о том, как это было ужасно, терялись среди рекламы, предлагавшей немецкие финки, ремни и каски вместе с заговорной травой и чудо-средством для восстановления волос. Рекламировались фляги со свастикой, и пистолет «люгер», и игра под названием «Танковая атака», в которой участвовали немецкие «пантеры», а рядом печатались уроки правильного ведения корреспонденции и дурацкие советы: «Хотите разбогатеть – продавайте специальные тапочки для лифта». Да, везде говорилось, как это было ужасно, однако создавалось впечатление, что все же не стоит по такому поводу бить во все колокола.

Или в первый раз влюбиться...

И снова вспомнились слова миссис Андерсон. Она оказалась права. Он нашел в жизни свой ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС.

...Дюссандер долго смотрел на Тодда. Затем пересек гостиную и тяжело опустился в кресло-качалку. И снова вглядывался в Тодда, пытаясь что-то разгадать в отрешенном, словно ностальгическом, выражении его лица.

– Ну вот, – как бы очнулся Тодд. – Началось с журналов, только тогда я подумал, что там половина фактов – липа. И я пошел в библиотеку. Сначала эта поганка не хотела ничего мне давать: у них такую литературу выдают только взрослым. Но я сказал, что мне надо для школы. Если для школы, они обязаны выдавать. А эта – сразу звонить отцу. – В глазах Тодда вспыхнуло презрение. – Испугалась, поганка, что он не в курсе, видали!

– А он был в курсе?

– Ясное дело. Чем раньше, говорит отец, дети познают жизнь, тем лучше... и хорошее, и плохое. Тогда они будут во всеоружии. Жизнь, говорит он, это тигр, и его нужно ухватить за хвост, а не знаешь его повадки, так он слопают тебя в два счета.

– М-м-м, – неопределенно промычал Дюссандер.

– И мама считает так же.

– М-м-м, – опять промычал Дюссандер, точно его ударили по голове и он пока не может сообразить, где находится.

– Короче, у них там этой литературы навалом. И знаете, она пользуется большим спросом. Картинок, правда, поменьше, чем в журналах у отца Лиса, зато чернухи хватает. Стулья с такими сиденьями, утыканными шипами. Золотые коронки, вырванные плоскогубцами. Отравляющий газ, который вдруг пускали из душа вместо воды. – Тодд потрянул головой. – Вы, конечно, все были шизанутые, тут и думать нечего.

– Как ты сказал?.. Чернуха? – с трудом выдавил из себя Дюссандер.

– Я даже написал реферат, – увлеченно продолжал Тодд, – и знаете, что я за него получил? Пять с плюсом. Пришлось, конечно, попотеть... Все эти авторы, они так пишут... ну, вроде как эта писанина у них весь сон отбила, и чтобы, значит, и мы не спали, а то еще те ужасы опять повторятся. Я тоже написал в таком духе, и вот результат! – Лицо Тодда озарила торжествующая улыбка.

Дюссандер делал затяжку за затяжкой. Кончик сигареты подрагивал. Он выпустил из носа дым и вдруг закашлялся по-стариковски.

– Вы знали Ильзу Кох? – спросил Тодд.

– Ильзу Кох? – едва слышно переспросил Дюссандер. И после паузы сказал: – Да, я знал ее.

– Она была красивая? – оживился Тодд. – Я имею в виду... – Он изобразил в воздухе подобие песочных часов.

– Разве ты не видел ее фотографий? – спросил Дюссандер. – Ты же у нас в этом деле гурман.

– Кто я?

– Гурман. Тот, кто любит получать удовольствие... ловить кайф.

– А-а. Клевое словечко. – Угасшая была улыбка Тодда вновь расцвела. – Еще бы не видел. Но все эти перепечатки, не мне вам говорить... – Интонация была такая, словно их у Дюссандера была целая коллекция. – Черно-белые, нечеткие... что вы хотите, любительские снимки. Кто тогда знал, что это, можно сказать, история... Что, она правда была пышка?

– Толстая, со скверной кожей. – Дюссандер раздавил недокуренную сигарету в вазочке, наполненной бычками.

– Да-а? Надо же. – Лицо у Тодда вытянулось.

– Не все такие везучие, – раздумчиво произнес Дюссандер, глядя на Тодда. – Увидел мою фотографию в старом журнале – и на тебе!

– Ошибаетесь, мистер Дюссандер. Не все так просто. Я долго не верил, что вы – это он, не верил, пока не увидел однажды, как вы садитесь в автобус в своем блестящем черном дождевике...

– Вот оно что, – выдохнул Дюссандер.

– Ага. У Лиса в гараже, в одном из журналов, вы были сфотографированы в таком же точно дождевике. И в библиотеке я раскопал книжку, вы там в эсэсовском плаще вроде этого. Я сразу сказал себе: «Курт Дюссандер, один к одному». Вот тут уже я сел вам на хвост...

– Что ты сделал?

– Сел на хвост. Начал следить за вами. Я, знаете, мечтаю стать детективом, таким, как Сэм Спэйд в книжках... или как Мэнникс в телесериале. Я принял все

меры предосторожности... Показать фотографии?

- Ты меня фотографировал?!

- А то как же. У меня «Кодак», помещается в кулаке. Если насобачиться, раздвинул пальцы - и вы в объективе. Остается нажать большим пальцем. - На этот раз улыбка Тодда как бы говорила, что сам он оценивает свои успехи достаточно скромно. - Поначалу, конечно, в кадр попадали одни пальцы. Но я настырный. Если стараться вовсю - чего хочешь добьешься. Звучит занудно, но верно.

Курт Дюссандер заметно побледнел и весь как-то усох.

- Ты что же, отдал проявлять пленку в фотоателье?

- Чего? - Тодд не сразу сообразил, а сообразив, презрительно скривился: - Вот еще! Что я, придурок? У отца есть темная комната. Я с десяти лет сам проявляю пленку.

Дюссандер ничего не сказал, однако спина его несколько расслабилась и кровь снова прилила к щекам.

Тодд достал сложенный вдвое конверт из заднего кармана и вынул из него несколько глянцевых фотографий с неровно обрезанными краями, что доказывало их домашнее происхождение. Дюссандер разглядывал снимки с мрачной сосредоточенностью. Вот он сидит, совершенно прямой, в автобусе у окна, в руках у него последний роман Джеймса Миченера. Вот он ждет автобус на Девон-авеню, под мышкой зонтик, подбородок вздернут - ни дать ни взять премьер-министр в зените славы. Вот он стоит в очереди под козырьком театра «Мажестик», выделяясь среди привалившихся к стене подростков и безликих кудлатеньких домохозяек высоким ростом и осанкой. А вот он заглядывает в свой почтовый ящик...

- Я решил вас щелкнуть, - пояснил Тодд, - хотя боялся, что вы меня засечете. Я постарался свести риск до минимума. Снимал с противоположной стороны улицы. Эх, мне бы телескопические линзы... - Тодд мечтательно вздохнул.

– На всякий случай ты, конечно, заготовил дежурную фразу.

– Я бы спросил, не видели ли вы мою собаку. Короче, я отпечатал фотографии и сравнил их вот с этими.

Он протянул Дюссандеру три ксерокопированных снимка. Старику доводилось их видеть, и не раз. На первом он сидел в своем кабинете – начальник концлагеря Патэн; снимок был кадрирован таким образом, чтобы остался только он и флажок со свастикой у него на столе. Второй снимок был сделан в день призыва. На третьем он пожимал руку Генриху Глюксу, помощнику Гимmlера.

– Я уже не сомневался, что вы – это он, вот только... из-за ваших дурацких усов не видна была заячья губа. И тогда, чтобы окончательно убедиться, я раздобыл вот это...

Он извлек из конверта последний листок, многократно сложенный. Сгибы почернели от грязи, уголки пообтрепались. Это была копия распространенной израильянами листовки: «Разыскивается военный преступник Курт Дюссандер». Глядя на этот листок, Дюссандер думал о неугомонных мертвецах, не желающих спокойно лежать в земле.

– Я снял ваши отпечатки пальцев, – улыбнулся Тодд, – и сравнил их с приведенными на этом листке.

– Врешь! – не выдержал Дюссандер. И выругался по-немецки.

– Снял, а как же. В прошлом году, на Рождество, родители подарили мне дактилоскоп. Не игрушечный, настоящий. С порошком, с набором щеточек для разных поверхностей и особой бумагой, чтобы снимать отпечатки. Мои предки знают, что я хочу стать частным детективом. Про себя они, конечно, думают, что это у меня пройдет. – Он отмахнулся от такого предположения как от несерьезного. – В специальном пособии я прочел про линии руки, типы ладоней и участки для сличения. Называются «позиции». Для суда требуется не меньше восьми позиций. Короче, однажды вы пошли в кино, а я посыпал порошком ваш почтовый ящик и дверную ручку. А потом снял отпечатки. Ничего, да?

Дюссандер молчал. Он сжимал подлокотники кресла, подбородок у него так и прыгал. Тодда покорило. Это уже ни в какие ворота. Упырь Патэна того гляди

заплачет! Да это все равно как если бы обанкротилось «Шевроле» или «Макдоналдс» стал бы продавать икру и трюфели вместо сэндвичей.

– Отпечатки оказались двух видов, – продолжал Тодд. – Первые не имели ничего общего с образцами на листке. Эти, я догадался, оставил почтальон. Остальные были ваши. Все совпало... и не по восьми, по четырнадцати позициям. – На губах Тодда заиграла ухмылочка. – Вот так я это провернул.

– Ну и стервец! – сказал Дюссандер, и глаза его угрожающе заблестели. Тодд почувствовал легкий озноб, как тогда в прихожей. Но Дюссандер уже откинулся в кресле.

– Кому ты об этом говорил?

– Никому.

– А дружкам? Своему Беглеру?

– Пеглеру? Нет, Лис – трепло. Никому я не говорил. Тут дело такое.

– Чего ты хочешь? Денег? Боюсь, что не по адресу. В Южной Америке кое-что было, правда, наркотики тут ни при чем... ничего такого романтического. Просто существует – существовал – тесный кружок... свои ребята... Бразилия – Парагвай – Санто-Доминго. Бывшие вояки. Я вошел в их кружок и сумел извлечь некоторую пользу из полезных ископаемых – медь, олово, бокситы... Но вскоре ветер переменился. Национализация, антиамериканские настроения. Может, я бы и дождался попутного ветра, но тут люди Визенталья напали на мой след. Одна неудача, мой мальчик, следует за другой по пятам, как кобели за сучкой. Дважды я был на волосок от гибели... я уже слышал этих юде за спиной... Они повесили Эйхмана, – он перешел на шепот, прикрывая ладонью рот, глаза округлились – такой вид бывает у ребенка, когда рассказчик доходит до развязки «страшной-престрашной истории», – старого безобидного человека. Далекого от политики. Все равно повесили.

Тодд покивал.

– В конце концов, когда я уже был не в силах спастись бегством, пришлось прибегнуть к последнему средству. Другим, я знал, они помогли.

– Одесский квартал? – встрепнулся Тодд.

– Сицилийцы, – сухо уточнил Дюссандер, и оживление Тодда сразу улетучилось. – Все было сделано. Фальшивые документы, фальшивое прошлое. Ты пить не хочешь?

– Угу. У вас есть тонизирующий?

– Тонизирующего нет.

– А молоко?

– Сейчас. – Дюссандер пошаркал на кухню. Из ожившего бара полилось искусственное сияние. – Последние годы я живу на проценты с акций, – донесся голос из кухни. – Я купил их после войны... под чужой фамилией. Через банк штата Мэн, если тебе это интересно. Год спустя служащий банка, который приобрел для меня эти акции, сел в тюрьму за убийство жены... Чего только в жизни не бывает, nein?

Открылась и закрылась дверца холодильника.

– Шакалы-сицилийцы ничего не знали про акции, – продолжал он. – Сегодня этих сицилийцев где только нет, а в те времена выше Бостона они не забирались. Узнай они про акции, пиши пропало. Обобрали бы меня как липку и отправили в Штаты подыхать на пенсионное пособие и продуктовые карточки.

Он зашаркал обратно в комнату. В руках у него были зеленые пластмассовые стаканчики – вроде тех, какие дают в день пуска новой бензоколонки. Заправил бак – получай бесплатную газировку. Дюссандер передал Тодду один стакан.

– Пять лет я жил припеваючи на проценты с этих акций, но потом пришлось кое с чем расстаться, чтобы купить вот этот дом и скромный коттедж на побережье. Потом инфляция. Экономический спад. Я продал коттедж, затем пришел черед акций...

Тоска зеленая, подумал про себя Тодд. Не затем он здесь, чтобы выслушивать причитания из-за каких-то там потерянных акций. Тодд поднес стаканчик к губам, вдруг рука его замерла. На лице опять засияла улыбка – в ней сквозило восхищение собственной пронизательностью. Он протянул стаканчик Дюссандеру.

– Отпейте сначала вы, – сказал он с ехидцей.

Дюссандер вытаращился на него, потом закатил глаза к потолку.

– Gr?ss Gott[2 - Салют! (нем.)]! – Он взял стаканчик, сделал два глотка и вернул его Тодду. – Не задохнулся, как видишь. Не хватаюсь за горло. Никакой горечи во рту. Это молоко, мой мальчик. Мо-ло-ко. На коробке нарисована улыбающаяся корова.

Тодд пристально понаблюдал за ним, затем пригубил содержимое. В самом деле, на вкус – молоко, но что-то у него пропала жажда. Он поставил стаканчик. Дюссандер пожал плечами и, отпив из стакана, с наслаждением зачмокал губами.

– Шнапс? – спросил Тодд.

– Виски. Выдержанное. Отличная штука. А главное – дешевая.

Тодд в тоске затеребил шов на джинсах.

– Нда, – отреагировал Дюссандер, – словом, если ты рассчитывал сорвать хороший куш, объект ты выбрал самый неподходящий.

– Чего?

– Для шантажа, – пояснил Дюссандер. – Разве это слово не знакомо тебе по телесериалу «Мэнникс»? Вымогательство. Если я тебя правильно...

Тодд захохотал – громко, по-мальчишечьи. Он мотал головой, пытаясь что-то сказать, но лишь давился от хохота.

– Значит, неправильно, – выдохнул Дюссандер. Лицо его сделалось еще более землистым, а взгляд еще более затравленным, чем в начале их разговора.

Тодд, просмеявшись, произнес с неподдельной искренностью:

– Да я просто хочу услышать про это. Вот и все, ничего больше. Честное слово.

– Услышать про это? – эхом отозвался Дюссандер. Он был совершенно сбит с толку.

Тодд подался вперед, уперев локти в колени.

– Ну ясное дело. Про зондеркоманды. И газовые камеры. И смертников, которые сами вырывали себе могилы. Про... – Он облизнул губы. – Про допросы. И эксперименты над заключенными. Про всю эту чернуху.

Дюссандер разглядывал его с тупым любопытством, как мог бы ветеринар разглядывать кошку, только что родившую котят с двумя головами. И наконец тихо вымолвил:

– Ты чудовище.

Тодд хмыкнул.

– В книжках, которые я прочел, именно это говорилось про вас, мистер Дюссандер. Не я – вы посылали их в печь. Пропускная способность – две тысячи заключенных в день. После вашего приезда в Патэн – три тысячи. Три с половиной – перед тем как пришли русские и положили конец. Гиммлер назвал вас мастером своего дела и наградил медалью. Так кто из нас чудовище?

– Это все грязная ложь, придуманная Америкой! – Дюссандер резко поставил стаканчик, расплескав виски на стол и себе на руку. – По сравнению с вашими политиками доктор Геббельс – дитя, гукающее над книжкой с картинками. Рассуждают о морали, а тем временем по их указке обливают детей и женщин напалмом. Демонстрантов избивают дубинками среди бела дня. Солдатню, которая расстреливала ни в чем не повинных людей, награждает сам президент... А тех, кто потерпел поражение, судят как военных преступников за

то, что они выполняли приказы. – Дюссандер изрядно отхлебнул, и тут же у него начался приступ кашля.

Тодду было столько же дела до политических взглядов Дюссандера, сколько до его финансовых затруднений. Сам Тодд считал, что люди придумали политику, желая развязать себе руки. Это напоминало ему случай с Шарон Акерман. Он хотел, чтобы Шарон показала ему кое-что, та, естественно, возмутилась, хотя голосок у нее зазвенел от возбуждения. Пришлось сказать, что он собирается стать врачом, и тогда она позволила. Вот и вся тебе политика.

– Если бы я отказался выполнять приказы, я бы здесь не сидел. – Дыхание Дюссандера сделалось прерывистым, он качался взад-вперед, пружины под ним так и скрипели. – Кто-то должен был воевать на русском фронте, nicht wahr? Страной правили сумасшедшие, пусть так, но ведь с сумасшедшими не поспоришь... особенно когда главному из них везет, как самому дьяволу. Только чудо спасло его от блестяще организованного покушения... Все, что мы делали тогда, было правильным. Правильным для того времени и тех обстоятельств. Если бы все повторилось сначала, я сделал бы то же самое. Но... – Он заглянул в свой стакан. Стакан был пуст. – ...но я не хочу об этом говорить, даже думать не хочу. Я жил как в джунглях, в ожидании кровавой расправы, наверно, поэтому и во сне меня обступают джунгли, и я всей кожей ощущаю угрозу. Я просыпаюсь в поту, с колотящимся сердцем, я зажимаю себе рот, чтобы не закричать. А сам думаю: сон – вот реальность. А Бразилия, Парагвай, Куба... это все сон. В действительности я там, в Патэне.

Сейчас Тодд ловил каждое его слово. Это уже было что-то. Но он верил – впереди ждут вещи поинтереснее. Надо только изредка давать Дюссандеру шпоры. Да, черт возьми, повезло. У других в его возрасте малярия крепчает, а этот хоть бы хны.

Дюссандер глубоко затягивался, не выпуская сигареты изо рта.

– Иногда мне мерещатся люди, которые были со мной в Патэне. Не охранники, не офицеры – заключенные. Помню случай в Западной Германии лет десять назад. На дороге произошла авария. Образовалась пробка. Я глянул направо – в соседнем ряду стояла «симка», за рулем совершенно седой человек. Он не сводил с меня глаз. На щеке у него был шрам. Лицо – как простыня. Патэн, решил я. Он там был, он узнал меня. Стояла зима, но я не сомневался: снять с него пальто и закатать рукав сорочки – обнаружится лагерный номер. Наконец

движение возобновилось. Я оторвался от «симки». Еще десять минут, и я бы не выдержал, я бы вытащил его из машины и начал бить... есть номер, нет номера – все равно. Я бы начал бить его за то, что он так смотрел на меня... Вскоре я уехал из Германии. Навсегда.

– Вовремя смылись, – заметил Тодд.

– В других местах было не лучше. Рим... Гавана... Мехико... Только здесь я выкинул все это из головы. Хожу в кино. Решаю шарады. По вечерам читаю романы, все больше дрянные, или смотрю телевизор. И тяну виски, пока не начинает клонить в сон. Ничего такого мне больше не снится. Если ловлю на себе чей-то взгляд – на рынке, в библиотеке, у табачного киоска, – то только потому, что я кому-то напомнил его дедушку... или старого учителя... или бывшего соседа. А то, что было в Патэне, это было не со мной. С другим человеком.

– Вот и отлично! – подытожил Тодд. – Про все про это вы мне и расскажете.

– Ты, мальчик, не понял. Я не хочу об этом говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/stiven-king/sposobnyu-uchenik/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Помощник коменданта (нем.).

2

Салют! (нем.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/stiven-king/sposobnyy-uchenik-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)